

Под знаком Эдельвейса. Воспоминания оберста Краутлера, командира 3-го батальона 137 полка. Издано в Австрии в 1962 году. Перевод с немецкого, 2006 год.

В последнее время появилось большое количество публикаций, дневников, мемуаров наших бывших противников, дающих представления о том, как многие события той войны виделись их глазами. Меня всегда это интересовало. Воспоминания Краутлера, описывающие бои под Мурманском в 1941-1944 годах прошлого столетия, как и любые мемуары не могут претендовать на звание абсолютной истины, по точности и разноплановости подачи хроники, но интересны тем, что содержат много бытовых, эмоциональных, чисто человеческих оценок и зарисовок о той войне, а так же достаточно точные ориентировки местности, что позволяет легко привязать описываемые события к конкретным точкам в тундре. Это особенно ценно для любителей военной истории, которые были или планируют посетить эти прекрасные и многострадальные земли. Кроме того, хотелось как можно полнее использовать накопившийся фотоматериал. Надеюсь, моя работа по редакции его книги будет полезной.

С уважением, Павел Гусев

Семь «Упущенных» дней

Сообщение о первом дне войны на Севере от штаба главнокомандования вермахта звучало так: «29 июня 1941 года немецкие горные стрелки, при свете полуночного солнца, в еще покрытой снегом тундре, приступили к операции по захвату Мурманска».

Прошло семь дней с нашего вступления в район финского города Петсамо, прежде чем мы с боем пересекли русскую границу. Семь ценных дней, которые русские использовали для подготовки к нашему нападению. И тогда, и много позже мы называли эти тягостные дни ожидания «потерянной неделей».

В штабах, также не находили слов для упреков медлительности финнов. Даже такой объективный наблюдатель как квартирмейстер горных стрелков, майор I.G. Hess пишет о «большом тормозе» в начале операции, причиной которого было нерешительное поведение финского правительства, что и привело к

задержке начала наступления на целую неделю. Но тогда мы знали финнов еще слишком мало, и не знали, что «время» для них значит кое-что иное, чем для нас. «Бог подарил людям время», говорит финская пословица, «но о поспешности он не сказал ничего».

Таким образом, в начале военных действий на русской границе в тундре, мы не могли рассчитывать на ту же внезапность и, естественно, на те же великолепные успехи, и вместе с ними сильный стимул, которые были достигнуты на первых шагах реализации плана «Барбаросса». Тогда, при продвижении на восточном фронте, товарные вагоны с нефтью и зерном захватывались прямо на пограничных станциях, - русские продолжали поставки для Германии по торговому договору до самой войны. Кроме того, большая часть

советской военной авиации была уничтожена бомбардировками в первые же часы войны прямо на аэродромах.

Как говорит «Военный исторический журнал» (изд. 4, в 1961), когда стало возможным открыто говорить об ошибках Сталина, еще утром 22 июня Сталин в его летней резиденции на Черном Море говорил, что это нападение «является, возможно, только провокационным действием нескольких немецких генералов». Советский маршал Еременко, в своих мемуарах, одном из немногих русских изданиях о войне, доступных Западу, прямо ставит Сталину в вину эту нерешительность. Еременко пишет: «Нападение на наши пограничные районы было абсолютно неожиданным.

Если мне, тогдашнему армейскому командующему, почти ничего не было известно о приближающейся войне, насколько неожиданно это нападение должно было быть для более молодых, стоящих ниже по званию офицеров и командиров, для солдат и всего советского народа. Причины этих упущений лежали в переоценке нашей силы и слепой вере нашего высшего руководства в то, что немцы не решатся атаковать нас. При правильном руководстве мы смогли бы оказать сопротивление агрессорам сразу и эффективно!»

К сожалению, какие-либо сообщения о том, каким образом русские использовали эти «упущенные семь дней» для организации обороны не только дороги на Мурманск, но и морских путей, полностью отсутствуют. Однако, как позже показало наступление на идущую вдоль границы русскую линию дотов (укрепрайон), из-за стойкости и необычайного, граничащего с крайним отчаянием и фанатизмом, боевого духа азиатов, которые защищали эти бункеры, эффект внезапности не мог быть переоценен. Кроме того, это было крайне важно еще и из соображения, что дневное таяние снега в тундре усиливалось с каждым днем. При длительности арктического светового дня и необычайном тепле арктического лета семь дней значат гораздо больше, чем в наших широтах.

